

Николай Гаврилович Чернышевский

(к 110-летию со дня рождения)

19(31) мая 1863 года в Петербурге, на Мытнинской площади, совершился обряд «гражданской казни» над Николаем Гавриловичем Чернышевским, великим пропагандистом и «властителем дум» революционных поколений 60—70-х годов. Вокруг воздвигнутого черного эшафота кольцом стояли конные жандармы, оттесившие несколько сот человек, главным образом студенческой молодежи. Позади эшафота вытинался забор, за которым стояли толпы фабричных и вообще простонародья. Немало согнало было сюда сыщиков, подслушивавших разговоры в толпе.

Вот показалась черная глухая карета у эшафота. Жандармы открыли дверцы; из кареты вышел пожилой человек с седеющими волосами. Его взвели на эшафот, на черный помост, на конце которого высился черный столб. От столба шли привинченные кольцами цепи. Два палача встретили Чернышевского: один снял с него фуражку, другой повесил ему на грудь черную доску с надписью: «государственный преступник». Чиновник прочитал приговор: «По указу его императорского величества...»

Спокойно слушал этот гнусный приговор Чернышевский и только время от времени снимал очки и протирал их от дождя пальцами. Казалось, он был охвачен какой-то своей спокойной думой и не обращал внимания на враждебные взоры из среды собравшихся; он знал, что это враждебные взоры полицейских, сыщиков, провокаторов.

Но вот чтение приговора окончилось. Чернышевского подвели к позорному столбу и приковали к нему цепями. С четверть часа стоял прикованный к позорному столбу один из величайших русских людей. Он спокойно, с прежней думой на лице смотрел вокруг. Царским палачам не пришлоось радоваться.

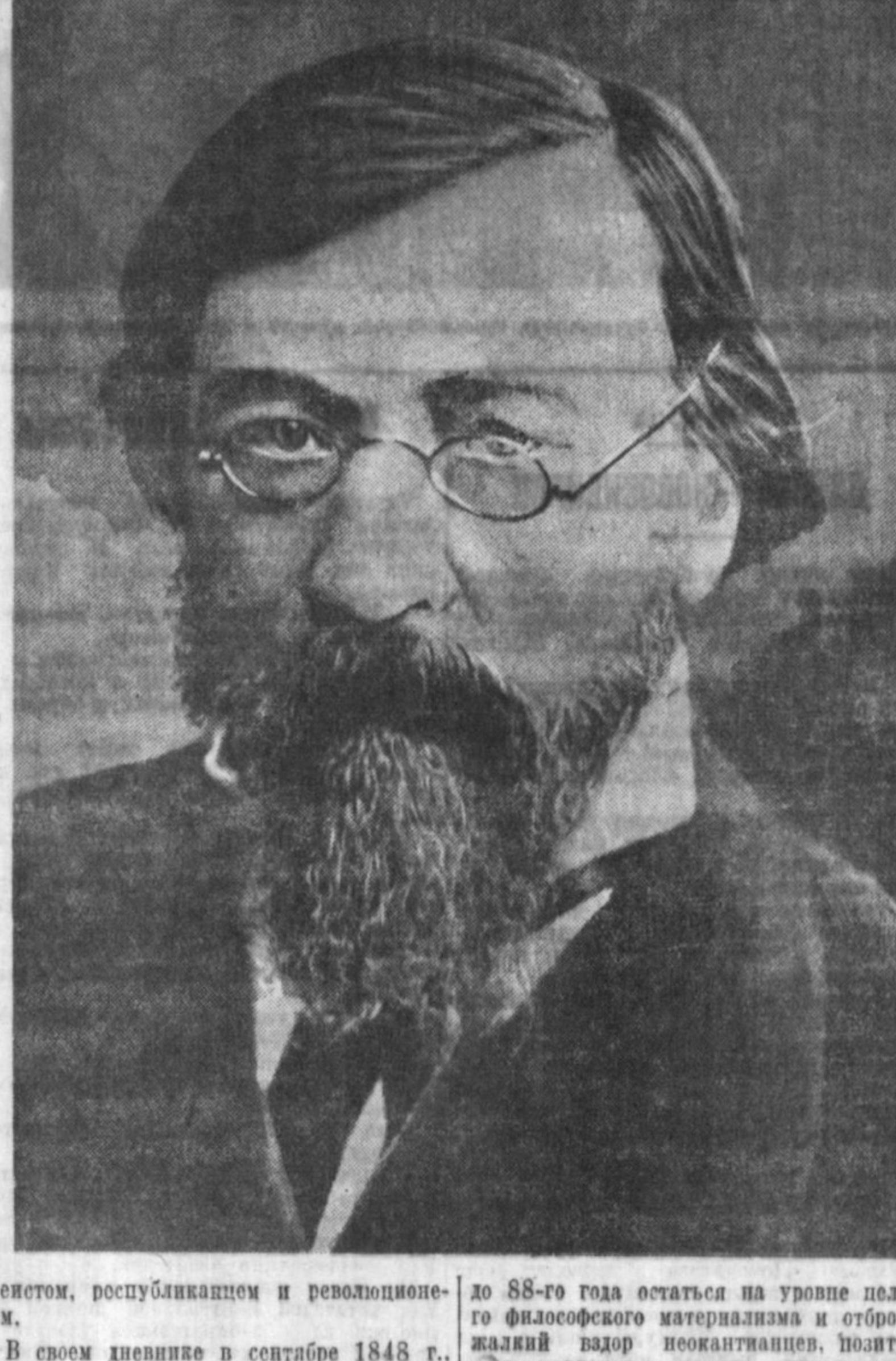
Наконец, палач снял с него цепи, вывел на середину эшафота и передомил над его головою шлагу. Какая-то женщина бросила на эшафот букет цветов. Это была М. П. Михаэлис — сестра Л. П. Шедуновой. Ее тут же арестовали. Чернышевского усадили в карету и увезли снова в Петропавловскую крепость.

Только слишком ползка после этой позорной казни народ мог отомстить за это поругание над одним из лучших русских людей, крупнейшим ученым, мыслителем и пламенным, преданным народу социалистом домаркова периода. Погибли целые поколения революционеров в поисках настоящего пути. Этот путь найден был позже революционными марксистами. Но путь к революции прокладывали в России и великие просветители — Белинский, Чернышевский, Добролюбов. «Тупые злодеи», проковавшие на четверть часа Чернышевского к позорному столбу, были низвергнуты рабочими и крестьянами в 1917 г. под руководством партии Ленина — Сталина, всегда относившейся с величайшим уважением к Чернышевскому. Перед народом во всей омерительности вскрыты теперь гнусные дела «тупых злодеев», погубивших цвет русского народа, погубивших Чернышевского. А имя Чернышевского вписано в историю освобождения народов СССР как имя одного из лучших людей русского народа.

Чернышевский родился 12(24) июля 1828 года в семье священника. Он получил сначала домашнее образование и лишь 16-ти лет вступил в старший класс семинарии. К этому времени он был начитанным человеком, знал языки французский, немецкий, английский, польский, латинский, греческий и еврейский, обучался даже персидскому языку. В семинарии он поражал всех своими знаниями и исключительной, редкой памятью, позволявшей ему цитировать почти дословно многое из прочитанного. Необычайно скромный, он слыл среди учащихся и учащих «красной девицей». Все свои огромные способности он обратил на научные занятия. Родители хотели, чтобы он стал священником, уговаривали его вступить в духовную академию. Но 18-летний юноша пошел в университет, где стал изучать исторические науки, языкознание.

Это было время, когда в России, после подавления восстания декабристов, царила удающаяся всякая свободная мысль политика Николая I — Николая Пушкина, как его называли. Царская Россия была «тюрьмою народов». Чернышевский сблизился с революционно-настроенной молодежью, увлекавшейся в то время учениями западно-европейских социалистов-утопистов — Сен-Симона, Шарля Фурье, Роберта Оуэна и других. Эти утописты мечтали о переустройстве человеческого общества без революционных потрясений. Они мечтали о том, чтобы уговорить господствующие классы в том, что человеческое общество надо перестроить на началах более справедливых отношений между людьми. Они искренно считали возможным убедить капиталистов и помещиков в преимуществах предлагаемой системы государственного устройства и хозяйства, не подозревая, что их проповедь не может найти поддержки у эксплуататорских классов. Но в то же время они своей критикой существующего строя будили революционную мысль, революционное чувство трудающихся классов, которых жизнь толкала на классовую борьбу. Учение социалистов-утопистов стало одним из источников и составных частей на основе которых вырабатывалось учение марксизма.

Царское правительство Николая I жестоко преследовало всякие попытки создания революционных кружков. Однажды за другим растаскивались ростки революционной мысли. Разгромлен был кружок Петрашевского. Чернышевский остро переживал все это. Он мечтал о том, что Россия станет страной свободы, он стремился к этому. Будучи в университете, он стал

атеистом, республиканцем и революционером.

В своем дневнике в сентябре 1848 г., в связи с революционными событиями в Европе, он записывает, что он «красный республиканец», что он за такую республику, которая обеспечивала бы действительное равенство людей и уничтожила бы эксплуатацию одного класса другим, чтобы «один из нас не сосал кровь другого». Ставши республиканцем, он стремился к гибели монархии: «Погибни, чем скорее, тем лучше», — записывает он в дневнике, при чем Чернышевский считал, что новая власть должна перейти «в руки самого низшего и многочисленнейшего класса — землевладельца + поденщика + рабочие». Только такое правительство, писал Чернышевский, может обеспечить защиту интересов трудящихся масс. Когда царь Николай I, выполняя роль европейского жандарма, послал войска, чтобы усмирить восстание в Венгрии, Чернышевский становится пораженным. Он пишет в своем дневнике: «Желаю поражения там русских и для этого готов был бы самим собою пожертвовать». В эти годы Чернышевский не раз записывает в своем дневнике, что готов умереть за освобождение народа. Из университета он вышел революционером, но он сознавал, что Россия еще не готова к революции.

По окончании университета, с 1851 г. по 1853 г. Чернышевский учительствовал в Саратовской гимназии, но пришелся «не ко двору», начальство не возлюбило его.

На 26-м году жизни Чернышевский начал свою работу сначала в «Отечественных записках», затем в журнале «Современник» — самом прогрессивном органе, в котором работали Добролюбов, Некрасов, Салтыков-Щедрин. В «Современнике» Чернышевский работал вплоть до своего ареста в 1863 году.

Эта работа в «Современнике» является полосой самой полнокровной, умственной и общественной деятельности великого пропагандиста. Он начал свою работу в журнале увереный, что растет недовольство революционных сил народа, что растут кадры революционных вожаков. Когда вспыхнет революция? В 1851 г. Чернышевский думал: «Может быть, лет через десять, но я думаю — скорее». Он уверен был, что для него лично это может кончиться катаргой или виселицей. Своей будущей жене, Ольге Сократовне Пыпиной, он рисовал эти перспективы, чтобы убедить ее, насколько опасно выходить за него замуж.

Журнал «Современник» имел огромное влияние на передовую часть России. Это была трибуна, с которой талантливейшие писатели Чернышевский, Добролюбов, Щедрин-Салтыков, талантливые поэты — Некрасов, Михайлов, Курочкин бичевали гнусные крепостнические порядки царского самодержавия и болтовню либералов, воспитывали демократизм и непримиримое отношение к крепостничеству и другим проявлениям гнусного режима николаевской монархии. В журнале излагались социалистические учения Западной Европы и давалась сочувственная оценка революционного движения. Чернышевский был мастером публицистики: кажется, нет такой области, в которой он не проявил бы глубочайших познаний, начитанности. История, философия, политическая экономия, искусство — все это было боевым оружием пропагандиста Чернышевского.

В области философии он был сторонником Фейербаха, но пошел дальше Фейербаха, и Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» (т. XIII, стр. 293—295) писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть

до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вадор неокантинцев, позитивистов, махистов и прочих путаницников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса».

Чернышевский в своих статьях о литературе продолжал работу своего талантливого предшественника В. Г. Белинского в защиту реализма. Статьи о литературе Чернышевский превратил в боевую критику реакционных сторон жизни николаевской эпохи.

Вся кипучая деятельность Чернышевского этого периода направлена на борьбу за освобождение крестьян. Но Чернышевский был против той карикатуры на освобождение, которое проектировали чиновники и либералы, боявшиеся больше всего, чтобы не пострадали интересы помещиков, чтобы народ не освободил себя сам снизу. Блестящую характеристику взглядов Чернышевского на освобождение крестьян мы находим у Ленина.

«Чернышевский, — писал Ленин, — был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он называл мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обирают гг. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал «болтунами, хвастунами и дурачьями», ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их беспартийность и холопство перед властью имущими».

«Чернышевский, — писал Ленин, — был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он называл мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обирают гг. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал «болтунами, хвастунами и дурачьями», ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их беспартийность и холопство перед властью имущими».

Это отношение Чернышевского к роли крестьянской общины, сохранение которой он считал необходимым для перехода к социализму, выдвинуло Чернышевского в качестве родоначальника революционного народничества. Однако Чернышевский стоял на целую голову выше, видел на десятилетия дальше своих учеников — народников. Чернышевский не видел ничего хорошего от реформы 1861 года и считал неизбежной крестьянскую революцию для изъятия гнусного режима николаевской монархии. В журнале излагались социалистические учения Западной Европы и давалась сочувственная оценка революционного движения. Чернышевский был мастером публицистики: кажется, нет такой области, в которой он не проявил бы глубочайших познаний, начитанности. История, философия, политическая экономия, искусство — все это было боевым оружием пропагандиста Чернышевского.

Это отношение Чернышевского к роли крестьянской общины, сохранение которой он считал необходимым для перехода к социализму, выдвинуло Чернышевского в качестве родоначальника революционного народничества. Однако Чернышевский стоял на целую голову выше, видел на десятилетия дальше своих учеников — народников. Чернышевский не видел ничего хорошего от реформы 1861 года и считал неизбежной крестьянскую революцию для изъятия гнусного режима николаевской монархии. В журнале излагались социалистические учения Западной Европы и давалась сочувственная оценка революционного движения. Чернышевский был мастером публицистики: кажется, нет такой области, в которой он не проявил бы глубочайших познаний, начитанности. История, философия, политическая экономия, искусство — все это было боевым оружием пропагандиста Чернышевского.

туро и на все развитие революционной мысли в России.

«Будущее светло и прекрасно, — писал Чернышевский, — любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, перенесите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего».

Чернышевский был приговорен к 14 годам каторжных работ с поселением навсегда в Сибири «за злоумышление к ниспровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению и за сочинение возмутительного воззвания к барским крестьянам, за передачу оного для напечатания в видах распространения». На этом гнусном, алодском приговоре царь 7 апреля 1863 г., через 17 месяцев после ареста, наложил резолюцию: «Быть по сейму». За выдачу Чернышевского Костомаров получил от жандармов 1 тысячу рублей.

Чернышевский писал в незаконченной повести «Милому другу»: «Мышли по одной дороге. Под нами обрвалась крутизна; я продолжал идти, гордясь тем, что цел и отчасти стыдился того, что цел, — не очень долго: и подо мною обрвалась крутизна. И вот мы оба лежим разбитые...».

«Прометеем на скале» прозвал Чернышевского Г. В. Шелахов. И он действительно был таким Прометеем русской революции. Он перенес мучительную жизнь в Кадае, в одной из каторжных тюрем Нерчинского горного округа, а затем там же, в Александровском заводе.

И на одну минуту не прекращала работать мысль Чернышевского. Он не раскапывался. В одном из писем с каторги в январе 1871 года Чернышевский писал своей жене: «За себя самого совершенно доведен. А думай о других — об этих десятках миллионов нищих, я радуюсь тому, что без моей воли и заслуги придано больше прежнего силы и авторитетности моему голосу, который зазвучит же когда-нибудь в защиту их».

Когда кончился срок каторги, сокращенный ему наполовину при утверждении приговора, иркутский генерал-губернатор Корсаков запросил, как быть с Чернышевским. Шеф жандармов Шувалов сделал представление царю о продлении срока наказания Чернышевскому. Царь написал «исполнить», и 8 декабря 1871 года, после 16 месяцев ожидания, Чернышевского в сопровождении жандармского офицера и двух жандармов отправили на крайний север, в Вилюйск, в Якутию. Жандармский полковник Кунцов в декабре 1873 года донес, что Чернышевский сильно похудел, пожелтел в заключении в Вилюйске, что он необщителен с людьми, вял, сидит с надзором, проводит время в чтении и письме, уничтожая затем свою работу. «Обряд православной церкви не соблюдает, в церкви не ходит, в пище воздержан, вина и водки никогда не употребляет».

Дважды друзья Чернышевского пытались организовать побег. Первая попытка была сделана Германом Лопатиным в 1872 году. Вторая попытка — Ипполитом Мишкиным, который добрался до самого Вилюйска. И Лопатин, и Мишкин были арестованы. Карл Маркс, который считал Чернышевского великим русским ученым и критиком и одним из крупнейших знатоков политической экономики, чьи работы он изучал в подлинниках, был очень огорчен провалом этого предприятия.

Из каторги, из заключения в Вилюйске не сломили Чернышевского. Когда царские чиновники в лице адъюнкта генерал-губернатора Винникова предложили Чернышевскому подать царю просьбу о помиловании, Чернышевский ответил: «Благодарю. Но видите ли, в чем же я должен просить помилования?.. Мне кажется, что я согласен только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер, — а об этом разве можно просить помилования?.. Благодарю вас за труд... От подачи прошения я положительно отказываюсь».

На письменном предложении подать просьбу о помиловании Чернышевский написал: «Читал. От подачи прошения отказываюсь. Николай Чернышевский».

Чернышевский пережил царя Николая I и Александра II. Лишь 21 августа 1883 года, через 21 год после ареста, явился в Вилюйск жандармы и увезли Чернышевского, доставив его в Астрахань под гласный надзор полиции. Но это была тень прежнего Чернышевского. Он оставался неизпримимым по отношению к царизму, но силы его были надломлены.

Жизнь Чернышевского уже угасала. Незадолго до смерти ему разрешили переехать в Саратов. В ночь на 17(29) октября 1889 г. Николай Гаврилович Чернышевский умер.

Так кончил свою жизнь великий пропагандист-революционер, к которому гений пролетарской революции Владимир Ильин относился с исключительным уважением.

В 1848 году Чернышевский записал в своем дневнике, что он верит, что будет время, когда люди будут жить по принципу: каждый производит в меру своих способностей и получает в меру своих нужд.